

Глава V

Благодатные средства совершенствования в христианской нравственности

1. Богомыслие и молитва

Важнейшими средствами духовно-нравственного возрастания христианина, по святителю Тихону, являются богомыслие и молитва. Для приобретения благого навыка в этом делании святитель, возлагая упование всецело на благодатную помощь Божию, вместе с тем побуждал и себя, и своих читателей и слушателей возможно чаще восходить умом от видимого к невидимому, от предметов тварного мира к предметам духовным. С этой целью, как известно, было написано творение «Сокровище духовное, от мира собираемое». «Видим, — пишет, например, святитель, — что человек при случае подобное поминает; когда видит что или слышит, что-то подобное ему на память приходит. Христианине! Поминай и ты при случае подобное, что к созиданию души твоей надлежит. Видишь, как смиренно, кротко и благоразумно или дети пред отцом своим, или рабы пред господином своим ходят: помяни, что и мы пред Богом, яко вездесущим и на все смотрящим, ходим, живем и обращаемся, мыслим, говорим и делаем. Аще убо человеки пред человеками со страхом и благочинно ходят и всего берегутся, чтобы их не прогневить и наказанию не подпасть, кольми паче нам должно пред Богом нашим со страхом и благоговением ходить, жить и обращаться, и ничего не делать, что воле Его святой про-

тивно» (27, 93). Подобным образом внешние впечатления могут подать христианину повод к размышлению о свойствах Божиих, о бесконечных благодеяниях к роду человеческому, о последних судьбах мира и каждого человека. Богомыслие, угашая любовь к миру, удерживает от греха, отчаяния и приводит к покаянию, побуждает к молитве, укрепляет веру, любовь к Богу, ведет к прославлению Его имени и само есть славословие Богу (27, 790–791).

Богомыслие было свойственно святителю Тихону, по воспоминаниям его келейников, в высочайшей степени. Описывая свои прогулки со святителем по окрестностям Задонского монастыря, И. Чеботарев вспоминает, что святитель «дорóгой все говорил, либо с травы материю возьмет, или из Священного Писания какие тексты объясняет мне, и все наклонял к вечности». Эти размышления «о четырех последних» (смерти, Суде Христовом, Царствии Небесном и муке вечной) были особенно присущи святителю. Тот же келейник пишет, как святитель беседовал («почти ежедневно») с жившим при нем монахом Феофаном, которого любил за простосердечие и трудолюбие. «Феофан, пора, пора во отечество; мне уже истинно наскучила жизнь сия, я рад бы хоть и теперь блаженно умереть, только бы не лишиться вечного блаженства»; и скажет: «Бедные, окаянные мы! Теперь избранные Божии радуются и веселятся, и в бесконечные веки будут радоваться, а мы, странники и пришельцы, в маловременной сей жизни бедствуем и волнуемся. Туда, — скажет, — Феофан, нам надобно всегда мысленно стремиться, чтобы не лишиться с ними участниками быть! Пусть, Феофан, мир мирское любит, а мы непременно всегда будем стремиться горняя доставать. Так-то, Феофанушка!» Сим и кончит. У него всегда первые мысли и разговоры были о смерти, для чего и написана была у него картина, на которой изображен сединами украшенный старец, лежащий во гробе, в чер-

ном одеянии; картина прибита была на стене у ног его. Он часто взглядывал на оную картину, и из глубины сердечной вздохнет и скажет: *«Скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моих, кое есть, да разумею, что лишаюся аз»*. Сей текст как днем, так и ночью, сидя и ходя, часто пел он, всегда с умиленными слезами и сердечным воздыханием» (6, «Записки», 12–13).

Еще за четыре или пять лет до кончины святитель сам приготовил себе гроб. «На сей гроб, — пишет И. Ефимов, — ежедневно смотря почасту, с немалыми чувствами оплакивал он падение первого человека и всего рода человеческого, воображая человека, яко тварь разумную, и нередко служившим при нем в нравоучение говорил: «До чего довел себя человек, что аки со скотом равно в землю зарывается, будучи сотворен от Бога беспорочным и бессмертным». По таковом воображении с плачем и рыданием и воплем крепким отходил он в уединенную келлию, и был глас его, аки глас плачущих по умершем; углубится потом в размышление о двоякой вечности, счастливой и несчастливой, сидя более на кровати; так бывало, что когда келейник, которому от него не всегда позволено было к нему вход иметь, войдет к нему, то от углубления того преосвященный как бы вовсе не видит и не слышит вошедшего» (6, «Записки», 19–20).

Размышлять о своей кончине святитель советует и каждому христианину. В «Кратком увещании, како подобает в святые храмы входить на славословие» он пишет: «Приходя к церкви, видишь гробы братии твоей и того для помяни, что и ты в тыяжде недра земли вселишься, и которую персть топчешь ногами, та покроет лицо. И потому воздохни к Богу о преставльшихся, да помилует их. Сие бо не токмо им, но и тебе будет полезно: ибо к ближним любовь показуешь, и, видя их умерших, помяни и о своей смерти, да так усерднее Богу помолишься» (2, 100–101).

Другим предметом постоянных глубоких размышлений святителя были страсти Христовы, крестные страдания Сына Божия. Об одном из чудесных видений, которого святитель однажды при этом сподобился, сообщает И. Ефимов. «В 1770 году, в то время, когда святитель упражнялся в сочинении «О истинном христианстве», видение ему было такое: размышлял он о страдании Христа, Сына Божия (поелику он великий был страстей Спасителей любитель), сидя на кровати, против коей на стене прибита была Страстная картина, которая представляла распятого на Кресте Христа, снятие с оного и положение во гроб. И в глубоком том размышлении, как бы вне себя будучи, увидел с той картины, аки с горы Голгофы, с самого Креста идуща к нему Христа, всего ураненного, всего уязвленного, умученного, окровавленного. От великой чудного такового видения радости с соболезнования сердечного, бросившись к Спасителевым ногам с тем, чтобы облобызать их, выговорил он гласно слова таковые: «Ты ли, Спасителю мой, ко мне идещи?» — чувствуя себя, аки у ног Спасителей. От того часа он еще более начал углубляться в размышление о страданиях Его и об искуплении рода человеческого» (6, «Записки», 23–24).

Богомыслие неотделимо от молитвы. То и другое было одним из главных деланий святителя во время пребывания на покое в Задонском монастыре. И. Ефимов, вспоминая, как усердно святитель в то время занимался написанием своих творений, при этом добавляет, что «между душеполезных оных трудов своих не оставлял он, однако, и келейного правила, приличного уединенному пребыванию, с поклонами и коленопреклонением; паче же упражнялся в богомыслии ночным и утренним временами, не оставляя утром прочитывать псалмы порфиринового царя-пророка. При молитве и богомыслии отличный имел он дар слезный; нередко слышен был в уединенной келлии

его вопль и рыдание, с произношением гласного моления: „Помилуй, Господи! Пощади, Господи! Потерпи, Благосте наша, грехам нашим! Услыши, Господи, и не погуби нас со беззаконьми нашими!“ и проч.» (6, «Записки», 26).

Не оставлял святитель богомыслия и на молитве в храме. Тот же его келейник вспоминает, что «во время слушания Божественной Литургии он иногда столь углублялся в размышления о любви Божией к роду человеческому и об искуплении оною непостижимым таинством воплощения Христа, Сына Божия, о страдании Его и о таинстве Евхаристии, что иногда при многолюдственном собрании плакивал, рыдал даже. И когда замечал, что во время призывания Святого Духа священником на спасительные Дары стоящие в храме не молятся, не обинуясь всем делал выговор и побуждал всех к должной молитве и молению» (6, «Записки», 35–36).

О необходимости молитвы в деле спасения в целом и для нравственного совершенствования христианина в частности святитель пишет следующим образом. «Всякое тщание наше без благодати и помощи Божией не сильно. Может человек удобно развратиться, но себя исправить и спасти не может без Бога. Сего ради, христианине, когда хочешь благочестно жить и быть истинным христианином, и так спастись, непрестанно молись Богу и помощи от Него проси с усердием» (6, 153).

Многие положения христианской нравственности святитель выводит непосредственно из текстов молитвословий. Показательными в этом отношении являются его объяснение молитвы Господней (4, 95–102) и комментарии к некоторым псалмам (2, 185–199; 4, 102–109 и др.). Для примера приведем размышления, которые возникают у святителя при первых словах молитвы «Отче наш». Уже этим обращением мы «научаемся, — пишет он, — что Бог есть истинный Отец христиан, и они суть сынове Божии

верою о Христе Иисусе» (Гал. 3, 26), «следовательно, суть братия между собой» и должны, «яко братия духовные, любовь между собой иметь и друг за друга к Богу молиться, паче же добрыми нравами Богу подобиться». Как дети единого Отца, все христиане «едину честь и славу в сем имеют, и того ради не должны друг друга презирать». Те, которые молятся: *Отче наш*, — «должны быть сынами Божиими, а в сынах должны быть свойства, подобные отцу. Как кто может Ему сказать: *Отче наш*, а сам скотам или диаволу нравами своими подобиться? Видно от сего, что христианин неисправный, пока не исправит и не очистит себя истинным покаянием, не может Бога с пользой своей призывать». Слова же *на небесех* «молящегося от земли отводят и к небесным обителям возводят» (4, 95–96).

Однако не только смысл молитвословий, но и само молитвенное делание научает проходящих его многим истинам христианской нравственности¹⁰⁵. «Будем, — увещает святитель, — слушать Божие повеление и заповеди Его исполнять, аще убо хотим, чтоб Господь услышал нас. *Грешники бо Бог не послушает, но аще кто богочтец есть, и волю Его творит, того послушает*» (Ин. 9, 31) (2, 194). В свою очередь, молитва — плод праведности

¹⁰⁵ Об образе совершения молитвы и о научении ей святитель пишет следующее. Молиться «на всяком месте возможно, и всякое время к молитве удобное есть». «Молиться должно всегда (Лк. 18, 1) и непрестанно (1 Сол. 5, 17), во всяком начинании и деле ум, сердце и воздыхание к Богу возводить и просить тем у Него милости, помощи и заступления». «Молитва самим умом и без слов может совершаться», тогда как «уста без сердца, слова без разума и глас внешний без внутреннего сердечного усердия ничего не пользуют». Должно, таким образом, «молиться не токмо языком, но и сердцем», с усердием (Лк. 11, 5–8; 18, 1–8; Мф. 7, 7) и с верой (Мф. 21, 22), стараясь «хотя и всегда, но наипаче в молитве Бога пред собой зреть». Для этого «молитву с размышлением начинать и творить должно и о том молиться Богу, чтобы научил нас молиться духом и истиной» (3, 301–303; 4, 94).

(Иак. 5, 16) — способствует усовершенствованию христианина и в других добродетелях.

Так, молитвенное делание научает молящегося смирению, приводит в осознание своей духовной нищеты. Как «царю предстоящий и просящий у него милости стоит с благоговением, главу преклоняет и на колени падает, не помышляет ни о чем другом, но в едином прощении своем ум углублен имеет, так учиться должно нам, христианам, к Царю Небесному приступать с прошением, с каким смирением, благоговением, уничижением себя пред величеством Его падать, главу и сердце приклонять и весь состав души пред Ним повергать, яко на смиренных только призирает Бог»¹⁰⁶ (3, 33; 5, 31).

«Молитвой к Богу утверждается и умножается вера, по подобию дерева, которое чем больше орошается, тем более растет» (3, 300). «Молитва возгревает в молящемся надежду («яко Бог *вездесущий*, потому молитву нашу слышит; *всемогущий*, и потому может все дать; *преблагий и милосердый Отец всех*» (2, 184)), сама происходя от надежды на Бога, богатого в милости и щедротах» (3, 300). Наконец, молитва к Богу исполняет сердце молящегося любовью ко всем, поскольку молиться должно не только за себя, но и друг за друга, *за всех, иже во власти суть* (1 Тим. 2, 2), и *за творящих нам напасть и изгоняющих нас*¹⁰⁷ (Мф. 5, 44).

Особенно благотворно действие соборной молитвы. Уже по дороге в храм необходимо молиться о даровании благоговейной молитвы. «В церкви же стоя, — пишет свя-

¹⁰⁶ В словах псалма *ущедри мя, и услыши молитву мою* (4, 2), по толкованию святителя, «Давид перво просит милости у Бога, и тако услышанной быть молитве его; как бы сказал: «Я беден; Ты, Боже, над бедностью моей умилосердись и тако услыши молитву мою» (2, 193).

¹⁰⁷ Молитвенное предстояние Богу побуждает «ни на кого не гневаться, не злобиться, но всякую обиду оставить, чтобы и Сам им Бог оставил грехи, для чего примириться с теми, кого обидели словом или делом» (2, 183–184).

титель, — крайне надлежит беречься от разговоров, смехов и прочих неприличных действий, а только внимать прилежно чтению, пению и молитве». Следует оставить и всякие житейские попечения. «Что слышал в церкви, чтенное или проповеданное, — увещевает святитель, — в доме своем рассуждай и тщись по оному исполнять, да не в большее осуждение будет тебе слышанное слово Божие и не сотворенное» (27, 448, 562–563, 1062–1063, 1158–1159).

Препятствует молитве всякий «грех содеваемый, когда кто от греха отстать не хочет; гнев и злоба на ближнего в сердце питаемая; немилосердие к ближнему и обида», ему причиненная¹⁰⁸, и этой затрудненностью молитвы обличается недолжное состояние сердца (3, 303–304).

Тому, кто от греховного пути «истинным сердцем к Богу не обратился, но в грехах пребывает, — пишет святитель, — чтение псалмов и молитв ничего не пользует»¹⁰⁹ (2, 195). Но если молитва вовсе оставляется, то и вера постепенно «оскудевает и исчезает, и так человек падает в бесстрашие, заблуждение и крайнее развращение» (2, 184; 4, 301).

¹⁰⁸ Побуждением к исправлению нравов христиан видится святителю ветхозаветная история спасения семейства праведного Ноя. «Чудно, — пишет святитель, — что в ковчеге Ноевом звери лютые кротки и согласны были: Божиим то повелением учинилось; и так лютость и свирепость свою отложили они, иначе бы не могли поместиться. Так вшедшие в Церковь святую прежние свои нравы, яко зверские и скотские, отлагают и бывают кротки, согласны и мирны. Крещением бо все обновляются и пресвятой нрав Христов на себя приемлют» (27, 1158).

¹⁰⁹ «Как скажешь: „Господи мой“, — пишет святитель, — а сам маммоне работаешь и раб есть греха? Как скажешь: „Услыши мя, Господи“, а сам не хочешь Его слушать и прогневать не престаеши? Как можешь петь: „Прильпе душа моя по Тебе“, а сам прилепляешься миру? Как воздвигнешь к Нему руки твои, которые оскверняешь хищением, граблением, биением, нечистым прикосновением и проч.? Как отверзешь уста твои на славословие и хвалу святого имени Его, — уста, которые оскверняешь злословием, сквернословием, лестью, клеветой, осуждением?» (3, 303–304; 4, 251; 27, 1158).

Молитва необходима вне зависимости от духовно-нравственного состояния христианина. Святитель пишет: «Как праведному, несмотря на его правду, должно молиться, так и грешнику, ради грехов сотворенных, не должно оставлять молитвы, но всякому со смирением на едино милосердие Божие взирать. Как бо праведник от Бога, а не от себя имеет правду, так и грешнику должно таяжде правды от Бога молитвой, прошением, сокрушенным сердцем и истинным покаянием искать. Фарисей, понеже на правду свою взирал в молитве, отвержен; а мытарь, обремененный грехами, понеже едино милосердие Божие полагал пред собой в молитве, услышан» (3, 302).

Особо святитель говорит «о беззаконных и богопротивных имени Божия призываниях», когда «многим обычай есть во всяких разговорах и ко всякому почти слову приговаривать: «на то Бог!» или «видит Бог!», или когда, «что страшнее и горше, многие в шутках, многие для прельщения и обмана ближнего поминают великое имя Божие, при воспоминании которого трепетать и главу с сердцем приклонять должно! Но бесстрашное сердце того не рассуждает... О, когда бы сим людям открылись внутренние очи, и увидели бы, что Бог есть существо, у Которого в руке весь свет, и они сами, и смерть, и живот их: увидели бы, как в бедственном и опасном состоянии находятся, и впредь опасались бы поминать Божие имя без почтения и страха!»

Нарушением заповеди о непризывании имени Божия всуе является и «обычай к суду Божию отсылать обидевшего: «Судит-де ему Бог!» «Что говоришь, несмысленный человек? — вопрошает святитель. — Ты говоришь: «Судит ему Бог», а Христос глаголет: *молитесь за творящих вам напасть*. Так рассуди, каким ты духом zde имя Божие призываешь и суда просишь у Бога на брата твоего. Он тебя обидел вчера, а ты его сегодня, а может быть и преж-

де; ты на него суда просишь, а он на тебя. И что было бы, когда бы по желанию нашему делал Бог? Едва бы кто на свете остался в живых, ибо много друг другу и пред Богом согрешаем».

Погрешают против святости молитвы те, которые «псалмы святые и прочие молитвы скоро читают» («сия молитва не молитва есть, но чтение слов писанных, или паче шум и звук», — говорит святитель); кто «в два голоса отправляют чтения свои, когда иные поют, а другие читают вместе» («что в таком шуме понять может пришедший в церковь человек? Отсюда последует, что и в жизни нет никакого исправления у таковых, но едино развращение и соблазн, ибо никогда не молятся, хотя и часто в церковь ходят»); кому обычай есть из святых псалмов петить между бокалами и поздравлениями¹¹⁰ в подражание погибшему за свои беззакония Валтасару («коль неприлично, или паче богопротивно есть освященную песнь к плотоугодию присовокуплять! — пишет святитель. — Псалмы бо святые суть дело Духа Святого, пьянство же есть диавольское дело») (3, 33, 304–306; 5, 31).

2. Пост и воздержание

Необходимым условием духовно-нравственного преуспеяния христианина, наряду с молитвой, является пост, в широком смысле — вообще воздержание. Как добродетель воздержание является плодом веры; как одна из главных составляющих христианской нравственно-аскетической жизни — средством укрепления веры (27, 138).

¹¹⁰ Устойчивый, как видим, на Руси греховный обычай, который еще в XI веке обличал в своем слове «О тропарях и пьянстве» преподобный Феодосий Киево-Печерский.

«Всякому, приступающему работать Господеви, следует искушение», — говорит святитель. Господь после сорокодневного поста победил искусителя, «показуя нам образ, да и мы подвизаемся и побежденного от Него сатану силой и благодатью Его божественной побеждаем» (2, 24).

«Есть пост телесный, — пишет святитель, — есть пост и душевный. Телесный пост есть, когда чрево постится от пищи и пития; душевный пост есть, когда душа воздерживается от злых помыслов, дел и слов. Полезен нам пост телесный, яко служит к умерщвлению страстей, но пост душевный неотменно нужен, так что и телесный пост без него ничтоже есть. Истинный бо пост есть воздержание от всякого зла». Но не только. «Покайся убо, и, воздерживая себя от всякого злого слова, дела и помышления, поучайся всякой добродетели, и будешь всегда пред Богом поститься», — увещевает святитель, приводя обширную цитату из книги пророка Исайи (58, 4–10) (5, 166–167).

Грешат те, которые проводят пост беззаконно (2, 37–42); не меньше — постящиеся лицемерно, *да явятся человеком постяся*. Первые отрицаются Матери-Церкви явно, вторые — тайно, «понеже не ради Бога добро делают, а или славы ради суетной, или ради иного чего, и потому Богу тем угодить не могут» (27, 299), в обоих случаях поступая безнравственно.

Определенным показателем христианского совершенства постящегося является его отношение к посту других. «Строгий блюститель уставов Церкви, святитель имел в высокой степени и христианскую благость и снисходительность к другим. Сохранился в предании такой случай. Вошел однажды святитель в келлию друга своего схимонаха Митрофана и застал его за столом с Космой, елецким гражданином, которого за добрую жизнь святитель также весьма любил. Это было Великим постом, в пятницу перед праздником Ваий. На столе стояло блюдо с рыбой.

Зная строгую жизнь святителя, друзья сильно смутились, а Митрофан даже упал перед ним на колени, прося прощения. Строгий постник, зная безукоризненную жизнь обоих, святитель не только не упрекнул их, а сказал только: «Садитесь, я вас знаю: *любовь выше поста*». А чтобы еще более успокоить их, сам отведал ухи, тогда как постоянно соблюдал пост во всей строгости» (6, «Записки», 58).

3. Таинства Церкви

Таинства «под неким видом зримым приносят в душу верного незримую благодать Божию» и установлены «во врачевство спасения нашего» (27, 1033–1034). Не касаясь собственно сакраментологии, скажем кратко лишь о влиянии церковных таинств на христианскую нравственность.

О ней становится возможным говорить, когда человек входит в Церковь Христову, в купели крещения умирает греху и духовно рождается «свыше от Бога, верой во Христа, Сына Божия»¹¹¹. Само воспоминание, как Бог «человека, Своего отступника, в такую достоинства высоту милосердно и человеколюбно возвел», побуждает христианина «жить не по плоти, но по духу» (4, 373).

То, что таинство крещения нравственно не нейтрально, следует из встречающегося в святоотеческой литературе уподобления крещения присяге, согласно которой, по святителю Тихону, крещаемые «клянутся и обещаются, отрекшись сатаны и всех злых дел его, верой и правдой служить одному Христу во все время жития своего»

¹¹¹ Святитель во многих местах своих творений пишет, что в крещении христианин сообразуется смерти и воскресению Христа, усыновляется Богу, обновляется и становится «новой тварью» и наследником вечной жизни. В таинстве крещения душа обручается в невесту Жениху-Христу.

(27, 442). Но собственно нравственные следствия таинства крещения влечет за собой дарование крещаемому благодати Святого Духа. «Должно святость, данную тебе в крещении, хранить, — пишет святитель, — и ради того хранить себя от всякой скверны плоти и духа, уклоняться от всякой нечистоты и прочего, что от общения с Богом и Сыном Его Иисусом Христом отлучает» (27, 829). Христианину следует не только уклоняться от зла, но и делать то, «что Христос хочет и долг правды требует, да покажет, что он подлинно облекся во Христа, как учит Апостол» (Гал. 3, 27). Помогает в этом напоминание себе обетов, данных при крещении. Нарушающему же их крещение не только не принесет пользы, но вменится «в суд и во осуждение», если не последует исправление, покаяние¹¹².

Именно эту сторону таинства покаяния как «слезного крещения», данного Богом ввиду слабости и удобопреклонности ко греху человеческого естества, святитель и выделяет, говоря, что таинство покаяния «есть жалость и болезнь о гресех, по крещении содеянных, яже чрез нелицемерное и истинное исповедание и сокрушение сердца, чрез разрешение иерейское отпускаются» (2, 2).

О покаянии как обращении от греха на путь спасения уже было сказано. Но и совершение этого пути невозможно без покаяния, — и как добродетели, и как таинства. Покаяние показывает пагубность увлечения мирской суетой. «Упившийся от вина, как начнет истрезвляться, познает, коль вредно есть пьянство, — пишет святитель. — Так упившийся от похоти мира, когда начнет в чувство приходить, познает, коль вредны суть похоти мира сего». Покаянием обновляется и укрепляется в сердце христианина

¹¹² О миропомазании святитель говорит кратко, как о «тайне, в ней же дается нам сила через Духа Святого, да возможем твердо исповедать имя Христово и веру православную» (2, 2), что является основой, в частности, и христианской нравственности.

вера, уже в Евангелии предваряемая проповедью святого Иоанна Предтечи и Самого Спасителя. Истинно кающийся пребывает в непрестанном сокрушении о своих грехах. И если смиряет человека уже само осознание своих немощей, то тем более к признанию духовной нищеты приводит покаяние, принося которое, христианин получает от Бога *сердце новое и дух нов* (Иез. 18, 31), «иные мысли, начинания, намерения, иные тщания и дела»¹¹³. Истинно кающемуся, как оставившему прошлые грехи, не только «не повредит прежнее беззаконное житие», но более того, в покаянии, по прощении грехов, ему возвращается благодать крещения, дающая силы вновь проводить жизнь, достойную христианина.

Говорит святитель и о ложном покаянии, которое, как и прелестная молитва, лицемерный пост, губительно для духовной жизни. Ложное покаяние приносит тот, кто не оставляет грехов, в которых кается; кто, не желая простить ближнего, имеет сердце, «исполненное злобы и гнева»; кто откладывает покаяние до старости или болезни¹¹⁴ (27, 701–731).

¹¹³ «Как прежде покаяния ум занятия в земном, временном и суетном имел, так по обращении во всех замыслах и делах к единому вечному и небесному стремится. Идеже бо сокровище его, тамо и сердце его обращается» (27, 716).

¹¹⁴ «Многие до старости покаяние отлагают, — пишет святитель, — весьма худо! Понеже: 1) В старости телесных сил не станет к поднятю труда в покаянии, а душевные силы ослабеют в произволении и хотении злым обычаем и привычкой. *Аще переменит ефиоплянин кожу свою и рысь пестроты своя, и вы можете благотворити, научившися злу* (Иер. 13, 23). 2) Отлагание сие есть пред Богом грех тяжкий, понеже лучшую часть жития своего, то есть молодость, греху, миру, диаволу в жертву приносят, а худшую часть, то есть старость, хотят Богу приносить. Но и то учинить удастся ли, неизвестно, понеже сколько жить и когда умереть нам не в нашей власти состоит, но в Божией. Да и тогда ли хоцем Богу жить, когда оканчиваем житие? Тогда ли престать от грехов, когда уже не можем грешить? Тогда ли обращаться к Богу, когда Бог и не хотящих нас к Себе зовет? Дьявольская се кознь есть! Он сию

Таинство покаяния предполагает наложение на кающегося епитимии, которая, как пишет святитель, должна быть «рассудительна и умеренна, рассуждая лице кающегося, чин, лета его, грехи, причины и проч.» (2, 3), — очевидно, с тем, чтобы помочь исправлению, способствовать усовершенствованию христианина и в христианской нравственности.

О таинстве святого причащения как о важнейшем средстве укрепления в добродетели уже говорилось, поэтому здесь лишь кратко подведем итог. «Памятуете ли, — спрашивает святитель, — что приобщаетесь таинственно Тела и Крови Христовых и потому Самого Христа? О, великое и умом непостижимое дело! Но слушайте и внимайте, что иерей возглашает на Литургии: «Святая святым», — то есть преподается. И прежде причащения убо, и по причащении потом всегда берегитесь всякого греха как скверны и со страхом и верой приступайте, как иерей или диакон зовет всегда. Худо отлучаться, но худо и неисправному приступать¹¹⁵. А оттуда следует, что неотменно должно христианину исправиться и по-христиански жить, как вера наша требует». Таким образом, причащение Святых Христовых Таин подвигает к удалению от греха, укрепляет и умножает веру и обновляет христианина (27, 338).

мысль нам влагает, чтобы так удобнее мог погубить нас». «В болезни будучи, — пишет далее святитель, — и с болезнью бороться, и о грехах думать, жалеть и к Богу ум и сердце возводить весьма трудно. В болезни случается исступление ума, беспамятствие, языка отъятие и прочая. Возмущение, тоска, страх смертный, тягчайший всякой болезни. Сатана тут подвизается в отчаяние привести и погубить грешника бедного... Надобно опасаться, как некто от отец сказал, чтобы у немощного не было немощное покаяние, а у умирающего — мертвое» (27, 729–730).

¹¹⁵ Причащающиеся недостойно, хотя Тела и Крови Христовых и приобщаются, но «ослепляются более, а не просвещаются, ожесточаются, а не исправляются, и так от греха в грех падают, но греха своего не познают», лишая себя благодати Божией (27, 833).

О таинстве елеосвящения святитель говорит как о «тайне, в ней же через помазание елеем, освященным через молитву иерейскую, дается больным оставление грехов, спасение души и здравие телу», а вместе с этим — время принести покаяние и явить его плоды — христианские добродетели (2, 5).

Два таинства, брака и священства, сходны между собой в том, что повышают уровень духовно-нравственных требований к тем, над кем они совершаются. Оба таинства не являются необходимыми в деле спасения, и добровольность выбора определяемого ими жизненного пути также увеличивает ответственность приступающих к ним: сочетающиеся браком отвечают за спасение уже не только себя, но и своей семьи; пастырю предстоит дать отчет за вверенное ему словесное стадо Христово.

Священство «есть тайна, в ней же через архиерейское рукоположение дается от Бога власть особенная, иерею служить и действовать чиновне Божественные тайны» (2, 4). Для столь высокого служения необходима особая благодатная помощь Божия, которая подается при рукоположении в священный сан и незримо помогает воспринявшему его в его служении. От него самого требуются как особые качества (в первую очередь добродетельность, разум, учительность), так и труд по возгреванию в себе, умножению получаемой при хиротонии благодати Святого Духа.

«Священник, — пишет святитель, — должен быть всему образец, во всем людям Божиим пример показывать: ибо он есть пастырь овцам, слепым вождь, заблудшим наставник, о грешниках молитвенник, Божий слуга, свет миру, соль земли, град верху горы стояй, светильник на свещнице поставлен» (2, 63–64). Пастырь призван исправлять других, «но прежде себя исправить»; должен учить других, но и «сам исполнять то, чему учит»; должен

«звать в Царство Небесное, но и сам туда идти». Пастырь должен пасти свое стадо со вниманием, постоянно испытывая себя, как он выполняет свои обязанности. Для спасительного прохождения своего служения он должен учиться, «намерение учения простирая во славу Божию и на общую пользу», и в первую очередь изучать Священное Писание. Еще более важно для пастыря иметь страх Божий, сохранять чистоту сердца и ума, стремиться к умножению любви к Богу и пасомым, избегая тщеславия, служить образцом смирения. Подвизающийся пастырь будет более других испытывать нападки диавола, терпеть клевету, поношения, гонения от тех, чьи грехи и пороки он обличает. Но, подражая Господу и Его ученикам, он должен великодушно терпеть и прощать, этим подавая благой пример своей пастве. Напротив, согрешающий пастырь приносит намного больше соблазна, чем мирянин. Он и в этой жизни подвергается прещениям, и на Суде Христовом даст строгий ответ за свое нерадение (27, 650–673).

Вопросы семейной жизни, как и пастырского служения, обычно рассматриваются в отдельных работах. Поэтому также кратко, как о нравственной стороне пастырского служения, скажем и о нравственных качествах христианских супругов, родителей и детей, требования к которым столь высоки, что Церковь в особом таинстве подает вступающим в брак благодать Святого Духа. Сочетающиеся браком, по слову Божию, становятся «единой плотью» (Быт. 2, 24). Из этого важнейшего свойства супружеского союза выводятся и другие. Главные из них — взаимная любовь и взаимная верность, которые по вступлении в брак должны сохраняться супругами «до конца жития». Вместе с тем, семейное положение мужа и жены неодинаково. Как Христос есть глава Церкви, так в христианской семье — «малой Церкви» — муж является главой жены, а

жена — помощницей мужу. Поэтому муж, любя жену, «не должен с ней жестоко поступать, имея ее как рабыню», но не должен и подпадать под ее влияние. Жена должна с любовью повиноваться своему мужу. Воздержание в семейной жизни, во избежание искушений, может быть только по взаимному согласию для упражнениия в добродетели (1 Кор. 7, 4–5). «В случающихся немощах муж и жена должны друг другу снисходить и любовью друг друга терпеть», неся свой крест, чем соблюдаются согласие и мир в семье (2, 365–366; 6, 159–161).

В чинопоследовании таинства брака особенно выделяется благословенное рождение и христианское воспитание детей. Родители в полноте ответственны за нравственное состояние своих чад. Для этого они, рождая детей телесно, должны растить их и духовно. Само отношение к этой обязанности свидетельствует о степени нравственной зрелости христианских супругов. Чтобы правильно воспитывать детей, родители должны молиться о своих чадах, прося помощи у Бога, жить достойно имени христиан, беречь детей от соблазнов, помня, что дети более подражают их поступкам, чем слушают наставления. Пренебрежение родителями своими обязанностями не только безнравственно (по святителю Иоанну Златоусту, «хуже убийства», так как вместе с телами губятся и души детей), но и будет для них тяжким обвинением на Суде Христовом.

Основными добродетелями детей в отношении своих родителей являются послушание и любовь к ним, добросовестность в исполнении того, что они велят делать, помощь им в старости, снисхождение к их немощам, молитва о них. Прещения не почитающим своих родителей столь же суровы, как и пренебрегающим родительскими обязанностями (Втор. 27, 16; Лев. 20, 9) (4, 362–364; 6, 161–164; 27, 300–304, 795–800).

4. Душеполезное чтение

Наряду с чтением Священного Писания (о чем было сказано во второй главе), важным фактором в деле нравственного усовершенствования христианина является чтение святоотеческих творений. Они «грешника неисправного, стремящегося в погибель, остерегают и удерживают, глаголя: «Бедный грешник! Куда ты идешь? Там тебе беда будет». Но «книги святыя» не только предупреждают об опасности. «Оттуда, — призывает святитель, — учись христианского благочестивого жития и ни единого дня не пропусти без чтения; и молись Богу, чтобы дал тебе разуметь то, что читаешь». Душеполезное чтение утешает христианскую душу. И хотя чтение само по себе не спасает, а лишь указывает «путь ко спасению», оно является важным средством к стяжанию добродетели, просвещая ум, подвигая к покаянию, возбуждая к молитве и таким образом как бы направляя христианина ко Христу. Святитель советует читать немного, но регулярно, стараясь напечатлеть в памяти и посильно исполнять прочитанное.

Особое внимание святитель уделял чтению в храме, как за богослужением, так и во внебогослужебное время. «По заамвонной молитве на Литургии, — писал он (14 июля 1763 г.), — в каждый воскресный и праздничный день читать или толковое Евангелие, или из другой книги, принятой Святой Церковью, или хотя полезное слово Пролога. В иные воскресные дни читать по Следованной Псалтыри весьма полезное, возбуждательное для сонной и нерадивой души слово святого Кирилла Александрийского „На исход души“»¹¹⁶.

¹¹⁶ В разное время святитель разослал по епархии краткие наставления для чтения в храмах: «Како подобает в святой храм входить на славословие» (2, 100–101); «Что всякому христианину от младенчества до смерти в памяти всегда содержать должно» (2, 101–102); «Приме-

Чтение может не только приносить пользу душе, но и вредить ей. «Несмысленно и паче незаконно делают те христиане, которые от слова Божия удаляются и, оставив сей живот и святой источник, забавляются в непотребных книжках, которые плоть их увеселяют, но душу развращают, и так чтением тем погубляют себя, а не созидают. Иные тщатся знать, что делается в Америке, Африке, Азии и прочих дальних странах, а близ себя и внутрь себя не хотят знать, что с душой их делается, в каком состоянии она находится из слова Божия ведать не стараются. Иные натуре трав, зелий, древес и прочих вещей испытывать стараются, но своего естества, грехом растленного, из слова Божия рассматривать не хотят. Иные звезды считать, землю измерять учатся, но кратких жития своего дней и бесчисленных грехопадений, которыми во все дни пред Богом виновными являемся, из Писания рассматривать не хотят» (27, 1173–1175).

3. К жизни чистой и непорочной побуждаю... чания некая для возбуждения себя от сна греховного» (2, 107–113); объяснение христианских обязанностей (возможно, 2, 102–107). «Когда узнал он, что предлагаемых по его предписанию катехизических поучений не хотят слушать, он произнес сам и приказал разослать по церквам обличительное увещание» (6 «Записки», 49).